

твей «Казачи в изображении иностранных художников», зарекомендовав себя знатоком русской военной иконографии.

В 1965 в Париже вышел пятый, последний сб. Т. «**Стихи**», куда были включены мн. произведения из др. поэтических книг. В рецензии на последний сб. Т. отмечалось: «Блок когда-то обмолвился, что стихи нельзя писать перед зеркалом. Бунин-поэт (да и Бунин-прозаик) в этом отношении был не без греха. А вот в ясных и прекрасных стихах Туроверова „зеркало“ отсутствует начисто» (Сотник // Новый ж. 1966. № 85. С. 293).

В поздней лирике Т. заметно обостряются ностальгические мотивы, появляются мысли об уходящей жизни: «Пора, мой старый друг, пора, — / Мы зажились с тобою оба, / И пожилые юнкера / Стоят навтыяжку у гроба». Стих Т. становится более строгим и сдержанным, обретая то редкое качество, на которое обращал внимание Г. Адамович: «Замечательен его дар „пластический“, его способность округлять, доканчивать без манерности, одним словом, его чутье художника» (Последние новости. 1937. 28 окт.).

По свидетельству Г. Струве, отношение к Т. в «парижских литературных кругах <...> было высокомерным». «Со свойственным парижским поэтам снобизмом от него отмахивались, как от „казачьего поэта“» (Струве Г. П. — С. 351). По своим эстетическим устремлениям Т. был весьма далек от поэтической богемы русского Монпарнаса — «парижской ноты» с ее абстрактной метафизикой и упадническими настроениями, постоянной мыслью о смерти. По словам Ю. Терапиано, Т. следовал «неоклассической линии» в развитии традиций пореволюционной поэзии (Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж, 1986. С. 262). Он делал упор на композиционную стройность, простоту, ясность и изобразительную точность стиха. Характерными чертами творческого облика Т. были «скромность» и «мужественность» (в плане стоического приятия нелегкой изгнаннической судьбы), последней, по его собственному признанию, он учился у Гумилева: «Учился у Гумилева / На все смотреть свысока, / Не бояться честного слова / И не знать, что такое тоска» («**Учился у Гумилева...**», 1946). В то же время в его стихах угадывается явное влияние поэзии Пушкина, Лермонтова, Бунина, А. К. Толстого и отчасти Баратынского, пленившего Т. трагическими порывами дойти до сокровенной сущности мироздания.

Т. был горячим патриотом Дона, ревнителем казачьей старины. Свои взгляды на ис-

торию казачества он сформулировал так: «Было три Дона: Вольница Дикого Поля, Имперское Войско Донское и третий, короткий и маленький, как зигзаг молнии, казачий сполох. Четвертого Дона нет... Без России и вне России у казачества не было, нет и не может быть дорог! России без казаков было бы труднее идти своим историческим путем, будет тяжелее возвращаться на свое историческое лоно» (Цит. по: Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д., 1992. С. 245).

Т. скончался в госпитале Лавуазьер под Парижем в возрасте 73 лет. О месте поэта в лит-ре Русского зарубежья пронизательно заметил Н. Станюкович в статье «Боян казачества», назвав Т. «...может быть, последним выразителем духа мятежной и мужественной ветви русского народа — казачества» (Возрождение. 1956. № 60. С. 129).

Соч.: Стихи / предисл. и сост. В. Леонидова. М., 1995; Стихотворения / сост. и вступ. заметка А. Д. Алексеева // Русская лит-ра. 1989. № 4. С. 88–102; Двадцатый год — прощай, Россия: [стихотворения, проза] / предисл. и сост. В. Леонидова. М., 1999.

Лит.: Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж, 1986. С. 351–352; Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа. Нью-Йорк, 1987. С. 259–262; Боян казачества / публ. В. Н. Запелалова // Казаки России. 1997. № 1; Репников А. Казачий поэт // Независимая газ. Московского региона. 1999. 17–23 марта.

В. Н. Запелалов

ТУФАНОВ Александр Васильевич [19.11 (2.12).1877, Шенкурский у. Арханг. губ. - 1941] - поэт, теоретик искусства.

Сын крестьянина Архангельской губ., считал себя потомком новгородских ушкуйников. Окончил Тотемскую учительскую семинарию, в 1900 — Петербургский учительский ин-т. Был зачислен вольнослушателем в Петербургский ун-т, но завершить там образование Т. не удалось. В 1902 он был привлечен к суду за распространение нелегальной лит-ры. В 1907 был арестован вторично по обвинению в революционной агитации. По свидетельству самого Т., «в общей сложности в одиночном заключении пробыл около полутора лет, в семи столичных и провинциальных местах заключения, один раз пересылался этапным порядком и 2 раза был под надзором полиции» (**Автобиография**. РО ИРЛИ). В промежутке между двумя арестами Т. начал лит.-репортерскую деятельность: в 1905 в газ. «Сын Отечества» появились его театральные рецензии и судебно-политическая

А. В. Туфанов

хроника. Затем Т., не порывая с лит-рой, переклужился на педагогическую работу. Стал обучать глухонемых, а в 1913 «задумал опрокинуть весь школьный строй» (Автобиография). Будучи редактором ж. «Обновление школы», он отринул классическую педагогику и, провозгласив все учебники аннулированными, стал утверждать метод обучения «путем непосредственного чтения». Тем не менее гордился своей первой книгой: **«Практическое руководство к лабораторным занятиям в 1-й год обучения детей арифметике и геометрии»** (1914). Свои стихи впервые опубликовал в студенческом ж. «Северный гусяр» в 1915.

Отношение к революционному перелому 1917 Т. охарактеризовал так: «Революцию я встретил по В. Гюго, а проводил ее через неделю по Диккенсу... Говоря иначе: я плюнул и произнес трехэтажное слово по адресу революции. Тем и дело кончилось» (Автобиография). Оттолкнула Т. от революции прежде всего ее чрезмерная жестокость. После Октября Т. был секретарем анархической газ. «Вольный плуг», с 1919 жил в Архангельске и публиковался в бойскаутских и белогвардейских изд. (газ. «Тотем говорит», «Возрождение Севера»). Затем перебрался в Галич (1920–21), где заведовал школьно-лекционной секцией Политпросвета. В это время формируются основы его философско-эстетической концепции, которую он попытался претворить после возвращения в Петроград (1922). Сначала он примыкает к возглавляе-

мой художником М. Матюшиным группе «Зорвед» («зоркое ведание»), провозгласившей принцип «расширенного восприятия пространства и времени». В 1925 создает свою творческую организацию («Орден замкнувших DSO»), а затем — «Левый фланг» при ленинградском Союзе поэтов, где активную роль начинают играть Д. Хармс и А. Введенский. Испытав на себе явное влияние Т. как теоретика и поэта, они тем не менее в 1926 из объединения выходят и затем создают ОБЭРИУ. Их учитель остается в одиночестве.

В общем плане свою духовно-интеллектуальную эволюцию Т. определял как переход от идей экономического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса, а также философии Гегеля — к индивидуалистическим концепциям, которые «помогли выработать Штирнер, Ницше, Шопенгауэр, а также лучшие творения символистов: Малларме, Бодлера, Э. По, Метерлинка, Бальмонта и Брюсова» (Автобиография). Такой переход был обозначен в первой книге стихов и прозы Т. **«Эолова арфа»** (1917). Там Т. призывал к демократизации искусства через освобождение в человеке интуитивного начала и называл этот процесс «акмеизмом в жизни и театральностью в искусстве». Уже тогда он создал свой имидж, который в обстановке 1920-х стал производить эффект: при низком росте и горбатой фигуре (из-за костного туберкулеза) длинные волосы, кружевное жабо и старинное пенсне. Потом «театрализация жизни» продолжится в творческой деятельности обэриутов.

В то же время Т. провозглашал возвращение к «недумавшей природе». В статье **«Освобождение жизни и искусства от литературы»** (Красный студент. 1923. № 7–8) он проповедовал теорию опрощения как высший синтез жизни и искусства и утверждал основные принципы того направления в худож. творчестве, которое на Западе в 1950-е обретает название «поп-арт». Правда, сам Т. его называл традиционно — «заумь». Тогда же вышла его статья **«Ритмика и метрика частушек при напевном строе»** (Красный ж. для всех. 1923. № 7–8), где туфановская теория зауми выводилась из поэтики фольклора. Реализовать свою теоретическую заявку художественно Т. попытался в книге **«К зауми. Фоническая музыка и функции согласных фонем»** (1924), где помимо таблицы речезвуков, демонстрировавшей пространственно-графический эквивалент каждого согласного в русской речи, содержались и образцы новой по-

эзии: «фоническая музыка», основанная на композиции фонем вне семантического значения слова («Весна»: «Сииньсоон сийй селле соонг се...» и т. д.). Следуя здесь традиции В. Хлебникова (после его смерти Т. провозгласил себя «Велемиром Вторым» и «Председателем Земного Шара Зауми»), Т. фактически ограничил заумь собственно эстетическими задачами, хотя и упоминал в своих статьях и декларациях имена мн. философов и ученых: А. Бергсона, А. Эйнштейна, В. Вундта, Н. Марра и др.

Как поэт Т. претерпел ощутимую эволюцию. Включенные в «Эолову арфу» стихи, написанные в самых разных формах (глосса, рондо, акростих, канцона, газелла и др.), выдавали автора как эпигона символистов, усвоившего кое-что от Игоря Северянина. Вошедший в книгу «К зауми...» «стихотворный поп-арт» напоминал опыты А. Крученых, он не выходил за рамки эксперимента. Наивысшим достижением Т.-поэта стала поэма «Ушкуйники» (1927, авторское обозначение жанра — «фрагменты поэмы»).

Построена она на единении двух языковых пластов — совр. и древне-языческого, что придавало стиху особую экспрессию. А пафос произведения, появившегося в юбилейный для Октябрьской революции год, ярче всего был выражен в строках: «Новограда вольница. / Буйная застольница, / Коли власти не ко двору, / Выйдем с кличем: — К топору!»

Когда в 1931 вместе с группой работников ленинградского отделения Детгиза Т. был арестован ОГПУ по обвинению в контрреволюционном заговоре, он признал, что «вся эта поэма, написанная методами и приемами поэтической зауми, <...> переключает современную советскую действительность на XV век, на эпоху борьбы Вольного Новгорода с Москвой, причем под дружиной „новгородских ушкуйников“ понимается мною белая армия, а под Москвой XV века — Красная Москва, Москва Ленина и большевиков» (Протоколы допросов А. В. Туфанова // Октябрь. 1992. № 11. С. 188). В отличие от др. арестованных Т. был наказан сурово: «Заключение в концлагере сроком на 5 лет». Он отбывал срок в Темниковском ИТЛ НКВД (Потьма Казанской ж. д.), после освобождения по инвалидности с 1933 по 1936 жил в Орле. Занимался там переводами. В 1936 ему было разрешено переехать в Новгород, на родину предков. Там он работал лаборантом в учительском ин-те, продолжая изучение фольклора. Об обстоятельствах смерти Т. достоверных сведений нет: исчез в нояб. 1941. Есть

версия (см.: Бахтерев И. Последний из ОБЭРИУ // Родник. 1987. № 12. С. 54), что Т. был эвакуирован в Сибирь и там умер от голода.

Соч.: К зауми // Забытый авангард России. Первая треть XX столетия. Wiener Slawistischer. Almanach. Wien, 1988. P. 102–125; Ушкуйники / сост. Ж. Ф. Жаккар и Т. Никольская. Berkeley, 1991.

Лит.: Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Заболоцком. Л., 1984. С. 66–67; Sigow S. [ошибка: автор — Никольская Т.]. «Орден заумников» // Russian Literature. Vol. 22/1. P. 85–95; Гумилевский Л. Судьба и жизнь: Воспоминания // Волга. 1988. № 7. С. 163; Палей А. Р. Председатель земного шара // Палей А. Р. Встречи на данном. Воспоминания. М., 1990. С. 88–91; Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела / вступ. статья, публ. и комм. И. Мальского // Октябрь. 1992. № 11. С. 166–191; Жаккар Ж. Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. С. 34–40.

Г. В. Филиппов

ТУШНОВА Вероника Михайловна [14(27).3. 1915, Казань — 7.7.1965, Москва] — поэт, переводчица.

По совету отца — профессора Казанского ун-та, впоследствии академика ВАСХНИЛ, известного микробиолога, основоположника тканевой терапии, — поступила в Ленинградский медицинский ин-т, в котором проучилась с 1931 по 1936. В 1941 поступила в Лит. ин-т им. А. М. Горького, но из-за начав-

В. М. Тушнова